

УТРАЧЕННОЕ ПИАНИНО

ЭКСМО

Елена Вячеславовна Нестерина

Угнанное пианино

Серия «Детские детективы (Нестерина)»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=165233
Угнанное пианино: Эксмо; Москва; 2004
ISBN 5-699-06009-X

Аннотация

Бедняжку Зою Редькину явно обошла судьба. Ей не везло в любви, не давалась учеба... А вот сегодня исчезла и единственная дорогая вещь – черное пианино. Укатали его какие-то злоумышленники в неизвестном направлении. И где искать, как – совершенно непонятно. Арина Балованцева, подруга Зои, разрабатывала версию за версией. Антоша Мыльченко, который крутился в момент исчезновения инструмента в Зоинном подъезде и мог быть свидетелем преступления, тоже пропал... Решили искать сначала Антона – ведь человек важнее. Следы Мыльченко вели на кладбище!..

Содержание

Глава I	4
Глава II	11
Глава III	25
Глава IV	37
Глава V	43
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Елена Нестерина

Угнанное пианино

Глава I

Праздничный храп

Эта история случилась в тот самый знаменательный день, который в народе с тысяча-девяťсот-лохматых годов зовут праздником всех женщин Восьмое марта. И началась она именно тогда, когда ученица седьмого «В» класса Зоя Редькина вместе с матерью и братом-первоклассником вошла в единственную комнату своей родной квартиры.

На дворе стояло праздничное утро: вся страна отмечала Восьмое марта. Хорошо встретил его и удалой Зоин папаша, регулярно пьющий сантехник Редькин: на всю квартиру раздавался его громкий праздничный храп.

Увидев спящего и храпящего муженька, мать Зои и Толика, работница одеяльно-матрацной фабрики Клавдия Редькина привычно расстроилась: ведь, чтобы заработать семье на праздничный обед, с раннего утра она вместе с наследниками торговала возле супермаркета мимозами. Владелец большого склада цветов и плодов, добрый человек Карен Бабкенович, часто давал всей округе заработать – по снижен-

ной цене отпускал цветы на реализацию. Не отказал и сегодня.

И вот мимозы проданы, продукты куплены – но никто в квартире Редькиных не встречает с объятиями маленький трудовой коллектив. Отец семейства спит, не собираясь ничем, кроме носовых рулад, радовать своих близких... Даже входная дверь оказалась незапертой. Чувствовалось, что праздника так сегодня и не будет.

Не будет, это точно! Зоя первой осознала это. Потому что дверь не заперта, папаша спит, а... в квартире побывали воры! Всё, абсолютно всё находилось на местах в единственной комнате и маленькой прихожей. И только пианино, прекрасного чёрного пианино фабрики «Аккорд», там, где оно всегда стояло, теперь не было! Осталось от него лишь пустое пыльное место – серый прямоугольник у стены.

Его не оказалось ни в ванной, ни на кухне. Укатило пианино на своих колёсиках в неизвестном направлении. О том, что укатило, красноречиво говорили следы на полу. И даже царапина осталась на повороте.

Такого вероломства от папаши Зоя не ожидала. А уж тем более в светлый праздник всех дочек страны... Понятно на все сто процентов: папаша пианино продал, а деньги пропил – и спит теперь счастливо!

Зоя всё ещё не могла до конца поверить в это, а потому по двадцать седьмому разу принялась обшаривать их немудрящее жильё – а вдруг всё-таки завалилось где это пианино,

вдруг она просто устала и его не замечает?..

«Где же оно? Где моё прекрасное пианино? – горевала Зоя. – Как вообще это могло случиться?» Чёрное пианино – это была её единственная личная вещь. Пианино подарила незадолго до своей смерти тётя Маруся – мамина сестра. Все родственники обещали Марусе, что не притронутся к пианино и ничего с ним не сделают, пока Зоя сама этого не захочет. Даже специальную дарственную бумагу тётя Маруся, которая очень любила кроткую Зою, для этого составила. Знала, что к её мнению прислушиваться особо не будут, если что. А так – документ. Бумага отпугивала своей грозной печатью.

И до последнего времени, даже в самые голодные времена, на музыкальный инструмент никто не покушался. Да, пусть Зою ругали, пусть соседи возмущённо стучали в стенку, когда девочка исполняла, громко себе аккомпанируя, арии собственного сочинения. Или когда она импровизировала в разных стилях. Её просили не долбить по клавишам и не петь, грозились руки ей за спиной завязывать и рот скотчем заклеивать, но Зоя продолжала играть.

И, тем не менее, ничего с её инструментом не делали, помня завещание тёти.

И вот теперь папаша это совершил!.. Но ведь обещал же не трогать! Как же так? Он, правда, регулярно что-нибудь пропивал – недавно вот дублёрку материну пропил и пластиковый электрический чайник. А на пианино не покушался. Ни-ког-да. Значит, сегодня-таки покусился, беспринципный

человек...

... – Что, правда, что ли, пианино нету? – удивилась мать.

– Да... – ответила Зоя – и первая слезинка покатилась из её глаза.

– Он? – мать ткнула шапкой в сторону папаши.

– Наверно...

Мать принялась будить отца, чтобы спросить, куда он фортепьяно дел, но тот не реагировал – сладко шлёпал губами и продолжал смотреть праздничные сны.

– Самая дорогая вещь в доме пропала, а он хоть бы хны! – возмущалась мать.

Она с проворностью, которой позавидовал бы любой полицейский, быстро обшарила папашины карманы, но денег там не нашла.

– Пропил ведь фортепьяно, подлец! Пропил наш праздник, пропил, пропил! – горя обидой и возмущением, ругалась она и била мужа по физиономии мохеровой шапкой, на которой снежинки не спеша превращались в дождевики.

Поняв, что всё напрасно и бить лежащую тушку бесполезно, мать уселась за стол на кухне и принялась горевать. Сумки с праздничными продуктами сиротливо жалась к её ногам, но она не замечала их. Вот такой невесёлый праздник ждал Клавдию Редькину...

А Толик Редькин встал в самом центре пыльного прямо-

угольника, оставшегося от пианино, и, радостно улыбаясь, вскинул руки вверх.

– Ура! – воскликнул он.

– Я тебе сейчас дам «ура!» – всхлипнула Зоя и погрозила брату кулаком.

А Толик продолжал чувствовать себя счастливым. Он понял: Восьмое марта – это чудесный праздник, потому что именно на него, а не под Новый год, сбываются желания. Сколько раз он загадывал, чтобы ненавистное пианино исчезло наконец из квартиры. Правда, Толик добавлял всегда к этой просьбе ещё и то, чтобы вместе с пианино испарилась из дома и сама пианистка. Но без её любимого инструмента сестру он ещё терпел, так что все равно мог считать, что желание его исполнилось.

«Что же делать? – лихорадочно думала Зоя Редькина. – В полицию обращаться? Придётся».

Хлопнув дверью, Зоя вылетела из квартиры. Все равно городского телефона в доме у них не имелось, мобильный только у матери, а она не даст.

К Арине! Конечно, надо идти к Балованцевой Арине! У неё и телефоны есть. И мозги! Арина обязательно Зое поможет!

Зоя пробежала очередной лестничный пролёт, когда вдруг откуда ни возьмись перед ней, как лист перед травой, возник

одноклассник Антоша Мыльченко. Зачем он таскается по её подъезду, если сам живёт в другом доме – в соседнем, Зоя размышлять не стала. Не до того ей было.

– Зоя! – воскликнул Антоша, протягивая к Редькиной Зое руки. – А вот и ты! Радуйся! Сюрприз тебя ждёт! Сюрприз!

– Какой ещё сюрприз? – удивилась Зоя, но тут же горестно ахнула, не сбавляя темпа бега. – Ах, Мыльченко! У меня уже есть – та-а-акой сюрприз! Так что не до тебя...

– Постой, Зоя, куда ты?! Я хочу тебе кое-что сказать! – начал было Антоша, и глаза его привычно закатились к небу.

– Нет-нет, не надо! Мне некогда сейчас! – бросила Зоя Редькина.

Но Антоша, не желая, видно, чтобы девочка исчезала, точно видение, принялся хватать её за руки.

– Да ну тебя, Гуманоид несчастный! – испугалась Зоя и стала отчаянно вырываться. – Чего ещё придумал?

– Ну, Зоя... – взвыл Антон. – Ну сюрприз же!

Но Зоя, не зная, что может быть сейчас на уме у этого странного мальчика, дёрнулась особенно резво и, чуть не сбив Антошку с ног, вылетела из подъезда.

Крики и призывы Антона затихли у неё за спиной. А путь к дому Арины Балованцевой был неблизкий. Она жила на самом краю города, вернее, даже за его чертой – по другую сторону загородного шоссе. Улица Трикотажная, на которой стояли дома Зои и Антоши Мыльченко, тоже находилась в окраинном микрорайоне, но Аринин домик – просто на от-

шибе. Так что бежала туда плачущая и дрожащая от обиды Зоя долго – минут двадцать точно. С серого совсем не праздничного неба повалили крупные влажные хлопья, скоро все дорожки покрылись снегом, а Зоя бежала и бежала...

Глава II

Небо в клеточку, друзья в полосочку

А за это время успело произойти следующее. Красивая девочка Вероника Кеник, одноклассница Зои, Арины и Антоши, как следует убралась в своей квартире. Её родители по случаю праздника уехали в гости, оставив дом в полном дочкином распоряжении.

Вероника украсила стол двумя длинными свечами в медных подсвечниках, подумала-подумала и зажгла их, выставила на середину торт со взбитыми сливками, налила в высокие бокалы гранатового сока, похожего на настоящее красное вино...

Она поджидала Богдана, своего поклонника. Богдан учился в восьмом классе, был весел, остроумен, хорош собой: имел красивую чёлку, которая так падала ему на глаза, что казалось, нет более загадочного парня на всём белом свете!

Подружки завидовали Веронике, когда она проплывала мимо них под ручку с прекрасным Богданчиком.

И вот сегодня, в день праздника Восьмое марта, он должен был нанести Веронике визит... Потом они собирались пойти в кино, а оттуда на дискотеку – так что всё предполагалось, как у взрослых, и даже лучше.

Стол для романтического ужина, а вернее обеда, был давно накрыт. Вероника посмотрела на себя в зеркало, поправила волосы и тщательно замалякала губы, которые ей показались наивно розовыми, ядрёно-коричневой помадой. Из зеркального овала на Веронику глядела весьма взрослая девушка. Вероника сама себе понравилась.

Но до прихода Богданчика по-прежнему оставалось время. А чем ещё заняться, Вероника не знала.

Как раз в этот момент раздался звонок в дверь.

«Какой Богдан молодец! – обрадовалась девочка. – Он понял, что я скучаю, и пришёл раньше! Умница!»

Она распахнула дверь – и тут в квартиру, как вихрь, ворвался очень неожиданный персонаж: растрёпанный и взмокший Антоша Мыльченко. Решительно захлопнув за собой дверь, он придавил её задом.

И тут же скороговоркой (чтобы его не выгнали), не давая Веронике опомниться, Антоша забормотал:

– Здравствуй, Вероника! Уф-уф! Ты мне доверяешь – потому что открыла дверь не глядя. Вот спасибо! Это я. Ох, какой снег на улице... И это в день такого торжественного, такого цветочного праздника...

Вероника просто обалдела – меньше всего именно этого мальчика она ожидала увидеть у себя дома всего лишь в нескольких метрах от стола с тортом и горящими свечами.

– Погоди, Мыльченко... Ты... – она еле-еле смогла что-то вообще сказать, так была удивлена. – Здравствуй, конечно.

Антон порывисто взмахнул рукой, сделал шаг вперед, вытащил из-за спины какой-то шуршащий пакет и... принялся декламировать:

*Красивых женщин всех поздравить
Мы очень радостно хотим!
Всем им подарки сразу дарим,
Их осчастливить...*

С этими словами он сделал ещё шаг к Веронике (явно собираясь осчастливить), снова взмахнул рукой – и на него упало пальто с вешалки. Это не позволило ему немедленно осчастливить Веронику, но дало возможность ей понять, что происходит. Девочка сдёрнула с незадачливого декламатора упавшее пальто. Антоша завертел головой, на миг замолчав.

– Стоп, стоп, стоп, Мыльченко. Кого это ты собираешься осчастливить?

Антоша тут же набрал в легкие воздуха и затараторил:

– Я сочинил эти поэтические строки, Вероника... Ты знаешь, я не только писатель, я ещё и поэт, хочу вместе с ними преподнести тебе, как самой красивой девочке в школе, в городе и в мире! Во всём мире! Преподнести одну вещь...

Этот текст Веронике показался небезынтересным – согласитесь, и в будни, и в праздники такое слышать всегда приятно!

– Погоди-ка... – сказала она. – Ты, может, не будешь в куртке и в шапке тут в коридоре топтаться? Чувствуется, те-

бе очень жарко.

Антоша охотно с этим согласился.

– Да! – воскликнул он. – В моей груди полыхает пожар!

– Клади сюда.

– Что? – не понял Антоша, пряча свёрток за спину.

– Да шапку свою. – Вероника хлопнула ладошкой по мягкой обивке пуфика. – Сюда.

Антоша метнул на пуфик свою шапку-ушанку, вновь зашуршал загадочным пакетом.

– И я хочу преподнести тебе, Вероника... – опять запел-завыл он.

Вероника улыбнулась, незаметно покосилась на часы: до прихода ненаглядного Богдана оставалось пятнадцать минут. Мыльченко поздравлять собрался – так пусть поздравляет. Пустячок, а приятно. Правда, вчера в школе их однокласснички уже поздравили – каждой девочке подарили по булке, пластиковым прыгалкам и теням для век. Кому пришло в голову такое странное сочетание – булки, прыгалок и косметики, – оставалось только гадать... Но зачем заглядывать в зубы дарёным коням, тем более накануне Восьмого марта? Дорог не подарок, а мужское внимание...

– Надевай тапки, Мыльченко, проходи... – скомандовала Вероника, закрывая дверь в комнату с праздничным столом и приглашая поздравительного юношу на кухню. – Знаешь, у тебя ушки сейчас такие красные. Горят.

Антоша, который казался себе галантным мужчиной, а не

лопоухим школьником, тут же бросился к раковине.

– Я их сейчас водой помочу! – воскликнул он, открывая мощную струю холодной воды. Брызги летели во все стороны, и скоро не только уши, но и волосы Антона стали мокрыми. – Всё, остыли мои ушки. А ты на-ка вот этот свёрток... То есть нет. Не бери пока! Погоди, не открывай!

Вероника, в руках которой оказался шуршащий свёрток, уже переживала, что пустила к себе в дом это беспокойное хозяйство. То на-ка, то не открывай...

А тем временем Антоша у зеркала над раковиной причёсал щедро смоченные волосы на прямой проборчик.

– Я мил? – улыбаясь и заглядывая Веронике в лицо, спросил он.

– Оч-чень...

Антоша вновь выхватил свой сверток у девочки из рук, вышел на середину кухни, отставил ножку в сторону, взмахнул головой, отчего капли с волос полетели в разные стороны, и заговорил:

– Дорогая Вероника. Прошу принять от меня этот скромный подарок в честь Восьмого марта. Пусть это радует тебя. Вот... Дарю. Бери насовсем.

И вручил (уже в который раз за время визита) свёрток в руки Веронике.

– Ой, Антошенька... – Вероника поняла, что наконец-то подарок приплыл к ней. – Что же это такое?

– Пижамка, – ответил Антоша.

– Пижама? – удивилась Вероника, извлекая из пакета что-то большое, шелковистое, струящееся. – А почему у неё рукава такие... длинные? Какой это размер?

– Размер истинно твой, Вероника. А рукава – потому что это пижама в виде костюма Пьеро.

– Пьеро?

– Да. Ты потрогай материалчик, Вероника, – тут же предложил Антоша и принялся трясти пижамой у Вероники перед самым носом.

Он один знал правду, а потому старался отвлечь от неё оподароченную девочку любой ценой. Дело в том, что пижама всем была хороша, но имела один дефект. Ошибаться могут все, и не только в нашей стране, но и за рубежом, где сшили эту пижамку. То ли тамошние швеи были рассеяны в тот день, то ли отвлеклись на что-то более интересное, но только вместо рукавов они пришили к курточке штанины панталон. Поэтому-то рукава и оказались такими длинными. Наверное, где-то моталась по свету незадачливая сестра этой пижамы – и напрасно пыталась неизвестная тётенька влезть в неё: ведь к полосатым панталончикам купленной ею пижамы были пришиты рукава...

Сам Антоша заметил это слишком поздно, и поменять её было уже нельзя. В целом же пижама смотрелась весьма симпатично, так что теперь приходилось выкручиваться. А где уж он её взял – новую, с торчащими в разные стороны этикетками, – можно только догадываться.

– Потрогай, оцени материю, говорю! – как ухарь-купец на ярмарке, суеился Антошка.

– Ну... Шёлк, – с сомнением проговорила Вероника.

– Шёлк, конечно! Натуральный! А бирочку посмотри! Фирма «Нина Риччи»! – продолжал переводить стрелки Антоша.

Но Вероника перебила его. Какие-то сомнения, видимо, начали закрадываться в её голову.

– А почему же Пьеро не белый, а в полосочку? – с страстием спросила она.

– Потому что белых Пьеро навалом! – не сдавался Антон. – А сейчас это самая что ни на есть мода на дамское бельё во Франции! Чтоб чередовались: полосочка серая – розовая, серая – розовая!

– Ну, знаешь ли... – растерялась Вероника.

И вдруг смысл подарка начал доходить до неё.

– Дамское бельё... – повторила Вероника. – По-моему, я не давала тебе повода дарить мне такие интимные подарки. Ну-ка, Мыльченко, забирай...

И она решительно сгрузила струящуюся кучу в руки Антошке.

– Ой, Вероника, Вероника, не обижайся! Ну она же такая красивая, эта пижамка! И тебе идёт-то как!

– Ну вот и уходи-ка ты со своей пижамкой домой. Надо же – придумал! – Вероника, казалось, была настроена решительно.

Антон не мог смириться с отказом.

– Ну, Вероника, ну ты посмотри на неё как следует! Какие панталончики! – проныл он.

А ныть, общаясь с девушками, никак нельзя. Этого начинающий покоритель дамских сердец ещё не знал. Девушки свирепеют от нытья.

– Сейчас ты у меня получишь панталончики... – рассви-репела и Вероника.

Но Антошка проявил завидную прыть.

– А вот ещё ночной колпачок, Вероника! – воскликнул он, подпрыгивая и помахивая в воздухе таким же розово-серым шёлковым изделием. – К пижамке! С пумпончиком! В нём спать нужно, он причёску берёжет!

Вероника покосилась на циферблат настенных часов. Стрелки показывали, что наступило время свидания.

– Да что ж ты никак не поймёшь! – всплеснула руками она. Выставить Гуманоида из дома она уже просто отчаялась.

– Погляди, как здорово смотрится! – почувствовав её слабинку, тут же сильнее засуетился Мыльченко. – Я сейчас примерю! Вот! Штанишки!

С этими словами он уселся на пол и схватился за пижамные штаны.

– Не вздумай раздеваться! – испугалась Вероника.

– Не, я прям на джинсы! – успокоил её Антоша, действительно нацепив шелковые панталоны поверх своих джинсов. – Вот... Теперь кофточку... Ты не смотри, что на мне

велико кажется, Вероника. Это ничего, что я прямо на куртку меряю. Ты же на голову выше меня, так тебе пижамка в аккурат будет. Видишь, раз мне на куртку чуть-чуть внатяг, значит, тебе на голое тело самое оно...

– На какое ещё голое тело! Мыльченко...

– Ой, не на голое! В смысле, на тебя вообще! – испугавшись, что ляпнул что-то не то, оправдывался Антон, стараясь облачиться в пижаму ещё быстрее. – Самый раз! Самый раз! Во, смотри!

– Боже мой! – воскликнула Вероника, когда через минуту Антоша встал перед ней. – Весь оделся.

Антон надел на мокрую голову шёлковый колпачок, разгладил его ладонями.

– А теперь я и в колпачке, – он галантно поклонился. – Готов. Вот я и Пьеро. А? Красавец?

– Гуманоид, то есть Антоша, ну, понимаешь... – не нашла, что сказать, бедная девочка.

– А знаешь, какие сны тебе будут в этой пижамке сниться! – воскликнул Антоша, мечтательно закатывая глаза.

– Да уж... – вздохнула Вероника.

– И рукава длинные – специальные, – с вдохновением подхватил Антон. – Чтобы тебе во сне лицо ногтями не расцарапать.

– Да я и не собираюсь себя царапать, – удивленно пожав плечами, начала Вероника.

Но не договорила. В это время позвонили в дверь.

Вероника бросилась открывать, краем глаза успев заметить, что Антоша подобрался к зеркалу и с довольным видом в нём себя разглядывает.

На пороге стоял Богдан, держал в руках букет крупных роз и лучезарно улыбался. Наступил миг настоящего женского счастья для Вероники... Она тоже улыбнулась. Но вспомнила про своего первого посетителя. И улыбка исчезла с её лица...

– Привет, Богдан, – пробормотала девочка.

– Здравствуй, Вероничка... – встряхнув благоухающий букет, произнёс Богдан. – Это тебе. Поздравляю.

– Спасибо! – кивнула Вероника, не чувствуя той радости, какую она ждала вот уже несколько дней, едва узнала о предстоящем свидании. – Богдан, я так ждала тебя, но...

В этот момент из комнаты, дверь в которую была закрыта, выскочил Антон Мыльченко в полосатой пижаме.

– И она не мнётся, смотри! – воскликнул он, прыгая козлик. – Я специально на диване повалялся.

Восьмиклассник Богдан опешил. Конечно, он Антона узнал – да и кто в их школе не знает старика Мыльченко?

– А это что такое? – хмыкнул Богдан. – Вероника, что это у тебя тут Гуманоид по квартире скачет?

Антошу с детских лет дразнили Гуманоидом – за всё, чем отличалась от остальных его многогранная личность. Поэтому Антон великодушно не обижался на своё межпланетное прозвище. И даже гордился им – в порывах поэтической или

вселенской грусти.

— Богдан, понимаешь, он пришёл меня поздравить... — начала оправдываться Вероника. — Он вообще-то мой одноклассник.

Веронике показалось, что не так уж сильно Богдан и против того, чтобы Антоша поздравлял её на правах нейтрального одноклассника. Ей сразу стало легче.

— А во что это он одет? — вот что заинтересовало сейчас Богдана, и он принялся внимательно разглядывать поэта. — То ли во что-то дамское, то ли в тюремное... Что, Гуманоид, теперь так и живешь — небо в клеточку, друзня в полосочку?

— Ты ничего не понимаешь, Богдан, — презрительно качнул помпоном Антоша. — Это самая модная пижама сезона. Французская! Мой подарок Веронике.

Вот тут-то и началось то, чего бедная девочка боялась больше всего.

— Ты уже принимаешь в подарок пижамки, да, Вероника? А также другие предметы туалета. Очень мило, — проговорил Богдан, ехидно прищуриваясь.

— Богдан, понимаешь... — Вероника растерянно посмотрела на Богдана, потом оглянулась на Гуманоида.

— Понимаю... — Богдан тоже пристально посмотрел на Антошу, и голос его стал зловещим. — А что, Гуманоид, ты думаешь, что моя девушка примет в подарок твой клоунский костюм?

— Да, — с достоинством ответил Антоша, и Вероника по-

смотрела на него уважительно. — Примет. Потому что эта пижамка...

— Такого же бесконечно дебильного цвета, как ты сам, — рывкнул Богданчик, который заметил уважительный Вероникин взгляд в сторону Антона.

— Богдан! Что ты говоришь? — обиделась Вероника.

— Ах, ты за него ещё и заступаешься. Здорово. А я тут как раз к французской пижамке духи французские тебе хотел презентовать... — с этими словами расстроенный Богдан полез в карман, вытащил коробочку духов, вынул из неё флакончик, взболтал его, отвинтил крышку и посмотрел жидкость на свет. — Остается эти духи только выпить... Куда они в сравнении с таким шикарным подарочком прекрасного Гуманоида...

Богдан горестно вздохнул, но духи пить не стал.

«А я бы выпил, — глядя на него, подумал Антоша. — Ради женщины. Проблема-то».

После этих мужественных мыслей он сразу почувствовал себя увереннее. Преимущество у него появилось. Антошка сам поднялся в собственных глазах.

— А что, Богдан, ты считаешь, что я не могу Веронике подарок на Восьмое марта сделать?

— Можешь, можешь... — с угрозой в голосе проговорил Богдан.

Вероника испугалась. Драки в доме с тортом и свечами ей не хотелось.

– Богдан, он неожиданно пришёл... – начала Вероника.

– Значит, так же неожиданно и уйдёт! – без тени сомнения заявил Богдан.

Но уж с этим Антон Мыльченко был совершенно не согласен! Пусть он мальчик хилый, малорослый, неспортивный. Но не трус!

– Это чегой-то? Я первый в гости пришёл! – крикнул Антон.

Но Богдан, крупный восьмиклассник, парень своей девушки, уже разозлился по-серьёзному. У него в данный момент тоже было важное свидание, к которому он готовился не менее тщательно, чем Вероника.

– Ты портишь мне настроение, Гуманоид, – медленно проговорил он, засучивая рукава и наступая на Антошу. – Нечего тут мелькать.

– Но-но! – подпрыгнул Антон. – Не толкайся!

Артур не захотел больше вести с непрошеным гостем переговоров, а потому, несколько раз толкнув Антошку в грудь, допинал его таким манером до двери.

– Богдан! Не надо так! Ты что его толкаешь? – возмущалась Вероника, бросаясь вслед за ним.

Но Богдан ничего не слышал.

– Давай-давай! Выкатывайся, Гуманоид, из квартиры! – одной рукой схватив Антона за шиворот, а другой – открывая дверь, решительно заявил Богдан.

– Ты не имеешь права! – возмущался Антоша, дрыгая но-

гами.

С этими словами он вылетел из квартиры. Дверь захлопнулась. Антоша оказался на лестничной площадке совсем один.

– Пустите! – закричал он, прыгая на резиновом коврике. – Я же в тапочках!

– Проветрись, герой! – насмешливо донеслось из-за двери.

Антон Мыльченко заметался, принялся возить по двери длинными рукавами пижамы, предназначенными, как он сам утверждал, не позволить ободрать что-нибудь своими ногтями. А так хотелось Антоше всё драть сейчас в ярости, рвать, метать, негодовать! Вот, значит, как с ним, да?..

– Кладбище, да, только кладбище успокоит меня... – простонал Антон в замочную скважину. – Покой, вечность, тишина...

– Хе! – донеслось в ответ из квартиры. Это был голос торжествующего победителя-Богдана.

И снова всё стихло...

Антоша звонил в дверь, стучал, прислушивался, даже заскулил, но никто не открывал ему, никто не приглашал в квартиру, где на столе с горящими свечами стоял вкусный торт со взбитыми сливками...

Глава III

Девочка в подарках

Это же я такая невезучая уродилась! – горестно подумала Зоя, когда в очередной раз на шоссе её обдала из лужи водой с грязью огромная машина. – Водитель машины специально, что ли, меня из лужи окатил? Нельзя было подальше объехать? Видит же, что я бегу... Не уважает меня никто, даже в международный женский день...» Оставалась Зое самая малость – перебежать оживлённое шоссе. А там, за ним, спрятанные за небольшим леском, стояли коттеджи. Там Арина. Там, может быть, ей всё-таки помогут...

Оставшись наедине с Вероникой, Богдан наконец вздохнул спокойно.

– Ну, всё нормально, Вероничка? – улыбнулся он. Вероника, даже такая рассерженная, очень ему нравилась.

Но Веронике не казалось, что всё нормально.

– Богдан, но как же? – спросила она, глядя в его улыбающееся лицо. – Что же это мы с ним так? Может, обратно человека позовём?

– Ага, вместе с подарком, – ухмыльнулся Богдан. Он чувствовал себя победителем. Ведь это он выставил соперника, а не соперник его.

Но Вероника по-прежнему не веселилась и не собиралась приглашать его к столу, начинать праздничное свидание.

– А что? – фыркнула Вероника.

Богдан растерялся.

– Вероника, но я же думал, что ты ждёшь только меня.

А тут Гуманоид ваш откуда ни возьмись... – сказал он.

– Богдан... – замялась Вероника. – Он хоть откуда ни возьмись, но выгнали-то именно его. И он действительно в тапочках... И в пижамке поверх одежды... Как ему там, в подъезде?

Богдан не хотел ссориться, тем более в праздник, да ещё из-за какого-то комического Гуманоида.

– Ну, Вероника... И что из этого? Мы ведь не часто бываем с тобой совсем одни... – проговорил он и предложил: – Давай забудем про всю эту глупость...

– Тебе глупость, а человек на лестничной площадке. В дедушкиных тапочках замерзает...

– Нечего ему было к тебе приходить. У тебя же не с ним было свидание назначено, – резонно заметил Богдан и добавил: – Ну ничего, побегает Гуманоид по подъезду, на батареях прогреется... А потом мы его впустим и отдадим ему его ботинки. Зачем они нам?

– А вдруг он на улицу убежит?

Богдан усмехнулся, приглядываясь к торту:

– Ну не такой же он дурачок – на улицу идти? Нет. Всё с твоим другом Гуманоидом будет хорошо.

– Ага...

– Ну, ладно, всё... – Богдан решительно уселся за стол. – Свечи, торт... Вероника, ты в самом деле ждала меня! Так приятно!

Но добрая девочка Вероника сейчас не думала о том, кого она пригласила к себе отмечать Восьмое марта. Мысли её были заняты бедным страдальцем в полосатой пижаме...

Нет, решила Вероника, так нельзя. А если она когда-нибудь сделает то, что Богданчику не понравится? Что ж это он – возьмёт и её точно так же выгонит, как сейчас Антошу Мыльченко?..

– Богдан, погоди садиться за стол, – твёрдо сказала Вероника. – Нужно пойти и вернуть Мыльченко из подъезда. Хотя бы за тем, чтобы он свои ботинки забрал. И шапку. А ещё надо извиниться перед ним – и пусть он потом домой идёт. Так что давай, иди в подъезд и позови его.

Богдану, признаться, и самому было как-то не по себе от того, что он Гуманоида выставил. С одной стороны, он повёл себя как решительный мужчина, а с другой... Ну жалко же дурачка... К тому же Вероника говорила весьма сурово и требовательно.

– А может, давай ему просто позвоним – и скажем, что пусть заходит за вещами? – предложил он.

– Нет, – ответила Вероника, – я номера его мобильного не знаю. И никогда не интересовалась.

– А, ну, ладно, – вздохнул Богдан, поднимаясь со стула. –

Пойду найду я этого Гуманоида, всучу ему его шапку, штиблеты. Но чтобы духу его здесь не было!

– Давай, давай скорее! – Вероника бросилась к двери и распахнула её. – Веди его сюда!

Богдан понёсся в подъезд. Минут пять Вероника ждала его...

– Ну? Что вы там? – нетерпеливо воскликнула она, едва входная дверь снова распахнулась.

– Нету Гуманоида нигде, – понуро ответил раскрасневшийся от беготни по лестницам Богдан. – Я весь подъезд обожал, на улицу даже выскочил – нет его ни возле дома, ни во дворе...

Вероника представила, как холодно, сыро и снежно сейчас на улице.

– Ты жестокий, ты злой человек, Богдан! – воскликнула она и топнула ногой. – Разве можно так поступать с людьми? Из-за тебя Мыльченко пропал! Ты его выгнал, выгнал, а это подло! Не хочу тебя видеть!

С этими словами она повернулась на каблучках лаковых туфель, убежала в комнату и, сложив руки бубликом, улеглась на диван.

– Вероника, ну а как же быть-то... – начал Богдан, несмело подходя к ней и растерянно разводя руками.

– Никакой Вероники! За это я знать тебя даже не хочу.

И тут Богдан не выдержал. В конце концов – или он, или Гуманоид! Да что же это такое!

– Ну и не надо! – крикнул он. – Каприза, тоже мне. Ишь, носится как с писаной торбой со своим Мыльченко... А со мной вот, значит, как... Мало, думаешь, девчонок на свете? Я ухожу. Потому что я себе и не такую принцессу найду!

С этими словами он резко повернулся. Гордо махнули Веронике на прощание полы его расстёгнутого пальто.

– Ах так! Ну и катись. Вот тебе! – Вероника решительно вскочила, схватила со стола праздничный торт и запустила его в гнусного Богданчика.

Если бы это было кино, кадр получился бы замечательный – морда жестокосердного негодяя оказалась бы облепленной нежным сливочным кремом.

Но Богдану повезло – в долю секунды он ухитрился подскочить к двери в комнату и захлопнуть её. Торт впечатался в дверь. А Богдан как ошпаренный выскочил из квартиры.

Не обращая внимания на оплывающий по двери торт, Вероника в два прыжка оказалась в прихожей и, высунув голову в подъезд, закричала вслед Богданчику:

– Катись-катись колбаской! Ищи принцессу. И пусть тебе какая-нибудь девица типа нашей Балованцевой попадётся! Вот тогда ты взвоешь! Вот тогда ручным станешь! А то ишь какой...

В сердцах Вероника так грохнула входной дверью, что откуда-то сверху резвыми снежинками посыпалась штукатурка.

Вероника закрутила оба дверных замка и усмехнулась:

она представила, как принцесса Арина Балованцева отдаёт команды, а ставший послушным и даже дрессированным Богданчик их охотно выполняет. Бегаёт, высунув язык, мучается, старается. И никак не может угодить Балованцевой. А та капризничает, капризничает...

Стоп! Балованцева! Вероника даже подскочила от посетившей её мысли. Арина Балованцева, её одноклассница, всех пришибленных защищает! А Антошка Мыльченко, гонимый Гуманоид, как раз один из её подопечных. Наверняка она знает, куда он может отправиться, где его можно искать!

Вероника утёрла слезы, прошла в комнату, взяла телефон и набрала номер Арины...

Арина Балованцева, к которой в этот же самый момент бежала через снег и лужи заплаканная Зоя Редькина, принимала праздничные подарки. По случаю Восьмого марта в её доме было множество народу: помимо родителей и брата, там собрались двое дедушек, две бабушки, а также другие родственники. Женщины получали подарки, мужчины с удовольствием эти подарки им дарили, все вместе они то и дело подходили к огромному столу с угощениями, накрытому в гостиной с самого утра, – и праздновали, праздновали, праздновали. Играла музыка, причём в разных углах дома своя, стоял весёлый шум и гам.

Арина вскоре до такой степени напраздновалась, что уползла в свою комнату, улеглась на кровать, решив сладко

вздремнуть, – и тут раздался телефонный звонок...

Зоя Редькина мокрой дрожащей рукой открыла калитку, которую никто не потрудился запереть, пробежала по расчищенной от снега дорожке к двухэтажному серо-белому дому, влетела на крыльцо. Зажмурилась и нажала кнопку звонка...

– Ой, здравствуй, здравствуй, Зоенька! – буквально через миг распахнулась дверь, и на пороге появилась Аринина мама. – В гости пожаловала. Отлично! Проходи скорее, ты что-то вся промокла. И быстрее за стол. Скажите Ариночке, что к ней подружка пришла!

С этими словами она потащила Зою за собой, мигом сняла с неё куртку, раскисшие ботинки, заставила натянуть на ноги толстые вязаные носки. Зоя и глазом не успела моргнуть, как оказалась за праздничным столом. У неё под носом тут же возникла огромная тарелка – и горки салатиков как будто сами собой шлёпнулись туда. Конечно, не сами собой – за Зою принялись Аринины дедушки и бабушки, любимым занятием которых было создавать любому, без разбора, ребёнку счастливое детство. Зоя Редькина и слова не могла вставить, а ей всё предлагали и предлагали то одного, то другого угощения, наливали то сока, то компота, то морсика. Как это было бы приятно, если бы не пропавшее пианино...

Время шло. Под руководством дедушек и бабушек Зоя Редькина пила и ела. А Арина всё не появлялась. То ли никто её так и не предупредил, что Зоя пришла, то ли её во-

обще дома не было – среди такого шумного общества и не разберёшь, кто где... Улучив момент, когда добрые старички отвлеклись на фокусы, которые показывал Аринин старший брат, Зоя улизнула из-за стола и бросилась в комнату подружки.

Арина сидела на кровати и разговаривала по телефону. Зоя бросилась к ней.

– Арина, страшная потеря! – закричала она. – Пропаж! Среди бела дня...

Но Арина остановила её, жестом индейского вождя вскинув руку. После этого попрощалась с тем, кто ей звонил, и ответила:

– Я знаю, Зоя. Надо искать его.

– Да, надо! – обрадовалась Зоя и запричитала: – Только где? Как же я не уследила, я же его так люблю!

Услышав это, Арина изрядно удивилась:

– С каких это пор, Зоя?

Редькина Зоя всхлипнула:

– Да с самого первого момента, как увидела!

Арина в полном потрясении смотрела на Зою.

– Ну надо же... – проговорила она медленно. – А я думала, что раз ты так с ним бьёшься, значит, мучаешься, страдаешь... А ты прям вот так – и любишь его. Да ещё и с того самого момента, как увидела...

– Да! – горячо подтвердила Зоя, яростно мотнув голо-

вой. — Я так с ним сроднилась, что теперь даже представить не могу, что когда-то у меня его не было!

«Удивительные вещи выясняются! — подумала Арина, слушая страстное признание своей одноклассницы. — Никогда бы не подумала. Битвы не на жизнь, а на смерть. Каждый день. Это у них, оказывается, любовь...»

— Ох, Арина, как же мне сразу грустно-то без него стало! — Зоя прижала руки к груди. — Ведь вся моя душа всегда тянулась к нему, к искусству, понимаешь меня?..

— Это да... — согласилась Арина. — Искусство и Мыльченко — это прямо-таки близнецы-братья.

— А Мыльченко-то тут при чём? — не поняла Зоя. — Искусство, музыка, счастье...

— Ты что? — в свою очередь удивилась Арина. — Мыльченко — это стихи, проза ну и... всякое там такое. Литература, я бы сказала. Может, и положат когда на музыку его тексты.

Зоя посмотрела на неё в полном изумлении.

— Ариночка, да зачем про творчество Мыльченко говорить! Ну его! Я поняла, ты вот уже в курсе, да? Что пропало, исчезло моё прекрасное пианино! Утром было, а сейчас уже нету!

— Как — пианино пропало? — этого Арина Балованцева явно не ожидала услышать. Она-то думала, что речь идёт совсем о другом — о том, что ей Вероника сейчас по телефону поведала. Про Мыльченко. А не про Редькинскую любовь к нему, пропавшему...

– Я поняла, что ты знаешь о пропаже моего пианино... – пролепетала Зоя.

– Не знаю, Зоя, но говори же скорее! – Арина удивилась ещё больше. – Как могло пропасть пианино из квартиры?

– Вот так, – развела руками Зоя, собираясь заплакать, но постеснялась. Да и тяжело оказалось плакать на такой полный желудок.

– А мне Вероника Кеник сейчас звонила, – ответила Арина, слезая с кровати. – Антон Мыльченко пропал.

А вот с этим-то Зоя как раз была не согласна. В смысле с тем, что от Арины сейчас услышала.

– Чегой-то он пропал? – усмехнулась она. – И ничего не пропал. Я его только что у себя в подъезде видела.

– Прямо сейчас?

– Ага.

– А что он там делал?

– Не знаю... Да и как это пропал? – Зоя, как ей казалось, знала своего соседа по парте как облупленного. – Куда это Мыльченко может пропасть?

Арина вкратце рассказала ей историю о том, как был изгнан Антоша из квартиры Вероники в тапочках на пять размеров больше и в шёлковой полосатой пижаме.

– Подожди, а что это он там в пижаме делал? – крайне удивилась Зоя.

– Говорю – подарок Веронике на Восьмое марта дарил! Вот и в пижаму, как я поняла, переоделся, – ответила Ари-

на. – Бал-маскарад. Ты что, нашего Мыльченко не знаешь?

– Да знаю... – вздохнула Зоя, которой, как никому, было известно, как Антошка любит театр, мистификации и другую показуху: всё-таки семь лет за одной партой – это вам не шутка...

– Вот, – продолжала Арина. – Оказался он в подъезде, а дальше его след теряется. Вероника Кеник сейчас дома, я ей посоветовала открыть входную дверь и слушать, что в подъезде происходит. Может, он в какую-нибудь квартиру зашёл, а значит, наверняка скоро оттуда выйдет...

– Конечно, выйдет! Наплачется на свою судьбу у кого-нибудь в гостях – и его оттуда выставят быстренько! – обрадовалась Зоя. – Арина, всё понятно с Мыльченко. Давай скорее моё пианино искать! Вот пропажа так пропажа!

– Будем, будем искать... – кивнула Арина. – А вспомни, кто из наших знакомых в подъезде Вероники живёт?

– Ну... – Зоя почесала нос. – Двое ребят из восьмого класса. Мыльченко с ними точно не дружит... Девчонка из шестого «Б», Надюшка. С ней он тоже вряд ли общается. Это я с Надюшкой сижу иногда во дворе, раньше играли вместе...

– А может, родственники Антошкины какие у вас в подъезде проживают?

– Точно – нет.

– Тогда плохо дело. – Арина двинулась к шкафу и спешно принялась переодеваться. – Пойдём туда немедленно.

– А пианино, пианино, Арина! – взмолилась Зоя.

– И пианино. Но сначала, Зоя, ищем человека. Согласна? – Арина пристально посмотрела на Зою, и та немедленно с ней согласилась. – Человек важнее.

– Да, да, человек, конечно, важнее!

Девочки выскочили из Ариной комнаты, пронеслись мимо гостей, сопровождая это криками: «Мы погулять! Проветриться!»

И уже через пять минут бежали по улице. С хмурого небрякшего неба валил крупный мокрый снег, проносились машины, поднимая брызги из грязных луж, – одним словом, погода была непраздничная. Да Зое с Ариной было сейчас и не до праздника.

Глава IV

Сюрприз или не сюрприз?

А в это же самое время от распахнутой двери квартиры к кухонному окну носилась туда-сюда Вероника Кеник – девочка, из-за которой совсем недавно едва не случилась настоящая дуэль.

«Уж лучше бы дуэль, чем Мыльченко пропал! – лихорадочно думала Вероника. – Или нет, как же – дуэль лучше? Чтобы Богданчик застрелил Антошу?» А в том, что прекрасный Богданчик прекрасно стреляет, она просто не сомневалась. Конечно, Богдан хороший. Но ведь и Мыльченко тоже ни в чём не виноват, зачем же с ним так... И вот что теперь делать? Ни Богдана уже не вернуть – ушёл, значит, ушёл. Ни где искать Мыльченко – ясности никакой.

Вероника снова с надеждой посмотрела на улицу. Где Богдан, где Антон? Ни того, ни другого не было видно в окно. Вероника открыла входную дверь, послушала. И в подъезде была тишина. Один раз только сосед с собакой промчался. Девочка вернулась на пост у кухонного окна.

Резкий звонок в дверь не застал Веронику врасплох – она увидела из окна, как к её подъезду подошли Зоя и Арина.

– Не вернулся? – увидев Веронику, спросила Арина первым делом.

– Нет... Никто не вернулся, – вздохнула Вероника.

Арина прошла из прихожей в коридор, осмотрела там все углы, взялась за ручку двери, ведущей в гостиную, весело окинула взглядом бисквитно-кремовую композицию на этой двери...

– Его? – кивнула Арина в сторону пуфика, на котором несчастной меховой зверюшкой съёжилась шапка-ушанка.

– Ага. Мыльченко шапка, – снова вздохнула Вероника. – И штиблеты вот его тоже...

Она показала в угол, где сиротливо жались друг к другу оббитыми носиками мальчуковые ботинки. Это было всё, что осталось в квартире Вероники от исчезнувшего поэта-поздравителя. Да ещё шуршащая подарочная бумага, в которую горе-пижамка была завёрнута, тоже сохранилась – она валялась в мусорном ведре. Все эти вещественные доказательства очень быгодились в том случае, если бы вместе с Зоей и Ариной прибыла в Вероникину квартиру поисковая собака-нюхач. Она бы быстро все эти вещи обнюхала – и тут же отправилась по следу, отыскала бы пропавшего поэта и привела домой. Но собаки такой не было. А были всего лишь три девочки, которые не предполагали, где искать униженного и оскорблённого Богданом и общим положением вещей Антона Мыльченко...

– Зоя, ты мне вот что скажи... – начала Арина Балованцева, которая какое-то время молчала, задумчиво соскабливая лепёшки кремовых розочек с двери и слизывая их с паль-

цев. – Мыльченко тебе говорил, зачем он в твоём подъезде толокся?

– Сюрприз, говорил... – нахмурилась Зоя, пытаясь вспомнить подробности. – Да. Я к тебе, говорит. У меня для тебя сюрприз.

– А не может такого быть, что пианино – это и есть сюрприз? – спросила Арина.

– Эх, может... Я, пока к тебе бежала, тоже так подумала.

– Ну, так давайте представим картину, – предложила Арина, повеселев. – Мыльченко решил всем девочкам, которые живут поблизости, устроить сюрпризы. Ну, в честь Восьмого марта. Тебе, Зоя. И тебе, Вероника. Веронике он что – пижаму подарил, так?

– Так, – согласилась Вероника и чуть не заплакала: вспомнила подробности того, как Антошка эту пижаму дарил.

– А для тебя, Зоя, он какой-то другой сюрприз подготовил, – предположила Арина. – Выкатил из твоей квартиры пианино, придумал какие-то стихи, а то и песню или ораторию какую-нибудь. И собирался исполнить в торжественной обстановке.

– То есть... – растерянно произнесла Зоя. – А как же он один пианино-то мог выкатить? И куда? И зачем?..

– Куда – не знаю. Зачем – тоже не знаю, можно ведь было тебя дожидаться и сыграть тебе дома на этом пианино. Но вот как – это вполне понятно, – попыталась выстроить модель поведения Антона Мыльченко Арина. – Ты рассказыва-

ла, что когда вы с мамой и с братом пришли домой, то входная дверь открыта была.

– Ага, – согласилась Зоя.

– А вы когда уходили, запирали её? Помнишь, нет?

– Помню, – уверенно сказала Зоя. – Запирали. Мать – ключом снаружи. А тут пришли, она только ключ из кармана вытащила, смотрим, а дверь не заперта, и даже щёлочка небольшая, ну, не до конца, значит, дверь-то прикрыта.

– А это о чём говорит? – воскликнула Арина.

– Да, о чём?

– О том, что её или изнутри кто-то открыл, или снаружи. Отец-то ваш дома был, когда вы уходили?

– Дома...

– Пьяный, извини, конечно, или трезвый? – стыдливо поинтересовалась Вероника, которая тоже начала кое-что для себя понимать в том, что могло случиться в квартире Редькиных.

– Трезвый, – гордо начала Зоя, но потом сбилась. – Мы рано уходили, часов в полседьмого утра, чтобы очередь за цветами занять. Ну, на складе дяди Карена Бабкеновича... А папаня на работу должен был к девяти пойти, ну, сантехник же он – где-то что-то проверить. Вот. Ему там недолго, на работе, особенно по праздникам... А когда мы пришли... Он уже... Храпит...

– Отмечал на работе, – с пониманием кивнула Арина. – Ясно. Он мог забыть входную дверь закрыть, когда уходил

на работу?

– Нет! – уверенно воскликнула Зоя. – Трезвый он очень положительный! Ответственный, исполнительный и... И вообще!

Она, видимо, очень любила своего непутевого папаню. Арина посмотрела на Зою с уважением, но всё равно спросила:

– А когда он... Ну, после того, как отметит? Помнит, как до дома добирается? И дверь за собой запирает?

– Всегда, – ответила Зоя Редькина, но уже без прежней уверенности.

– Понятно. Зоя, вполне может быть так, что пианино твоё никуда не пропало, – сказала Арина и увидела, как загорелась надежда в глазёнках Зои Редькиной – любительницы фортепьянной музыки. – Раз Антон сказал, что тебя какой-то сюрприз ждёт, значит, может оказаться так, что он с папанькой твоим договорился, тот позволил ему пианино из дома выкатить. Чтобы тебя сюрприз где-нибудь в подъезде и ждал. Только вот в чём проблема...

– В чём? – Зоя уже полностью поверила в эту версию и очень не хотела, чтобы были ещё какие-то проблемы.

– Пианино-то тяжёлое, – развела руками Арина. – В одиночку Мыльченко вряд ли его с третьего этажа спустить смог.

– Нет, конечно.

– Значит, у него были сообщники! – воскликнула Веро-

ника.

От резкого колебания воздуха (а может, и сам по себе, устав висеть) с двери отвалился и шмякнулся на пол самый большой и хорошо сохранившийся при ударе торта о дверь кремовый цветочек.

– Не сообщники, Вероника, – загадочным голосом проговорила Арина Балованцева, проводив взглядом летящий кусок.

– А кто же?

– Может быть, речь идёт о похитителях, преступные действия которых увидел Антошка Мыльченко! – заявила Арина. – Пока он пианино катил, в подъезде, предположим, преступная банда какая-нибудь орудовала. Он увидел её действия. Кто тогда Антошка получается? Правильно – ненужный свидетель... А потому ему угрожала и сейчас угрожает опасность. Ведь свидетелей преступления всегда стараются убрать...

Глава V

Кремовая розочка на лаковой туфельке

Еще несколько фрагментов ни в чём не повинного торта шлёпнулись на пол. Один даже уютно приземлился вверх розочкой на нарядную лаковую туфельку Вероники Кеник. Получилось красиво и необычно – кремовая розочка на лаковой туфельке. Но Вероника даже не заметила этого...

– Ему угрожала опасность, а я его из дома выгнала! Не спасла, не укрыла! – горестно воскликнула она. – А Антон просил убежища, он спасался от преступников! Эх...

Да, перед мысленным взором Вероники явственно предстала вся ужасная картина происшедшего. Когда наивный бедняжка Антончик Мыльченко для своих культурно-поздравительных целей выкатывал пианино в подъезд, некие бандиты совершали там какое-то злодеяние. Невольным свидетелем всего этого, как говорят по телевизору в оперативных сводках криминальных событий, и стал Антон. Из подъезда-то он, видимо, благополучно вышел. Но затем... Преступники шли за ним по пятам. До самого дома Вероники. И схватили его при первом же удобном случае – то есть именно тогда, когда сама жестокая Вероника лишила его надёжного крова или просто пристанища, позволив такому же

жестокому Богдану изгнать бедолагу Антона из её квартиры...

– Ой-ёй! Ой-ой-ой! – схватившись за голову и раскачиваясь из стороны в сторону, запричитала красивая девочка. – Как же мне не стыдно! Что же я натворила!

– Ну погоди, Вероника, ты чего? – удивилась Арина и бросилась успокаивать Веронику. – Это же пока лишь мои предположения. Версии. Мы же ничего не знаем. Ну не убивайся ты так. Не твоя тут вина.

– А чья же? – оживилась Вероника. – Преступников, похитителей Антона?

– Скорее похитителей пианино, – ответила Арина. – Но это я тоже только предполагаю. Может быть, у него просто это пианино перехватили.

– Как это?

– Едва Антон его из редькинской квартиры выкатил, а умные люди у него это пианино тут же – хватъ! И поминай, как звали... Вот и не получилось у Антошки для тебя, Зоя, сюрприза.

– И он с другим сюрпризом к Веронике наладился! – догадалась Зоя. Но от этого ей было не легче.

– Может быть, – кивнула Арина. – Но ведь в то же время он сам тебе говорил, что сюрприз есть.

– Говорил, – согласилась Зоя Редькина.

Арина подъела с двери остатки крема с бисквитом. И решительно сказала:

– Зоя, нужно идти к тебе домой. Там мы всё и выясним. Может, придётся полицию вызывать.

– Нет! – с жаром воскликнула Зоя Редькина и схватила Арину за руки. – Ни в коем случае полицию не надо!

– Почему?..

– Ну... – Зоя нахмурилась, готовая вот-вот заплакать. – Соседи сразу увидят, что к нам полиция пришла...

– И что? Это даже хорошо, – улыбнулась Арина. – Может, они как раз что-нибудь видели. Свидетельские показания дадут.

– Да. И Антон, и пианино быстрее найдутся, – поддержала её Вероника.

– Нет! – ещё громче воскликнула бедная девочка. – Они, наоборот, полиции на нас нажалуются! Потому что и сами давно грозились её вызвать! К нам! То есть от нас... Ну, потому, что у нас дома дебоши бывают. Соседям слышно, они этим очень недовольны. Вот. Так что поэтому не нужно, я вас прошу, полицию! Девчонки, не надо! Ну, не найдётся пианино – и ладно! Только бы не...

Тут Зоя не выдержала и горько заплакала.

Арина и Вероника бросились к бедняжке.

– Зоя, ну что ты! Конечно, не будем вызывать! Как хочешь! – ласково заговорила Арина Балованцева. – А пианино твое обещаю найти. Честное слово. И не плачь, пожалуйста!

– Не плачь, Зоенька!

Благодарная девочка посмотрела на одноклассниц. Улыбнулась, вытерла слёзки с конопатого лица.

– Ну, вот и хорошо! – тоже улыбнулась Арина. – Тогда побежали скорее к тебе. Там все и выясним. А ты, Вероника, оставайся дома. У тебя тут будет наш штаб. Жди. Вдруг Мыльченко объявится. Звони мне на мобильный, если что. Вот номер...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.